

Шэнь Юэтань, увидев его, мгновенно ощутил, как огненная ярость обожгла его глаза. Не раздумывая, он бросился вперед, но металлические прутья с внутренними защитными символами ударили его током, отбросив назад. Он тяжело упал на холодный, грязный пол тюремной камеры, его руки уже почернели и покрылись язвами от ожогов.

Его сила Дао полностью исчезла, оставив его слабым, как ребенок. Он никогда не испытывал таких мучений, и боль едва не лишила его сознания. Стиснув зубы, он устремил кроваво-красный взгляд на обидчика и прошипел:

— Шэнь Мэнхэ, я всегда хорошо к тебе относился, как ты посмел так подло меня подставить? Пока я жив, я тебя не прощу!

Услышав это, юноша не сдержал смеха, а его слуги тоже захихикали. Шэнь Мэнхэ, рассмеявшись, хлопнул себя по колену и, указывая на прутья, произнес:

— Двоюродный брат, не волнуйся, отец обязательно оставит тебя в живых. Ты можешь не прощать меня сколько угодно.

Шэнь Юэтань, хотя и был воспитан простодушным и неопытным, не был глупцом от природы. В одно мгновение он понял суть происходящего и с холодной усмешкой сказал:

— У Шэнь Лина такие амбиции, он хочет заполучить сутру.

Шэнь Мэнхэ отвел взгляд, его глаза стали ледяными:

— Ты знаешь, что такое «Сутра Великого Асуры о пяти скандхах и пяти содержаниях»? Это единственная сутра в мире, названная в честь Великого Асуры! Тот, кто достигнет совершенства в ее изучении, сможет совершить великие деяния и даже получить титул короля асуров, объединив мир асуров... Такой драгоценный артефакт оказался в руках такого ничтожества, как ты.

Шэнь Юэтань облизал потрескавшиеся губы и нахмурился:

— «Великая Сутра Пяти» — это дар небес. В роду Шэнь есть завет: пока карма не созреет, путь совершенствования закрыт, и никакие усилия не смогут это изменить. Твои старания напрасны.

Шэнь Мэнхэ усмехнулся:

— Не беспокойся об этом, двоюродный брат. Ты с детства был избалован, вряд ли выдержишь пытки восьмидесяти восьми орудий. Рано или поздно ты сломаешься и расскажешь все. Лучше отдай сутру сейчас, и я попрошу отца сделать твою смерть быстрой...

Его слова прервал чей-то вздох:

— Мэнхэ всегда слишком мягок, даже с семенем демона говорит ласково.

Голос был ярким, как летнее солнце. В камеру вошел мужчина лет двадцати двух-трех, с благородными чертами лица и высоким ростом. Его длинные волосы, отливающие серебром и фиолетом, были убраны в золотую корону. На нем был роскошный наряд с серебряной отделкой, а на поясе висел палаш. Его украшения сияли так ярко, что даже мрачная камера словно озарилась светом.

Шэнь Мэнхэ слегка опешил, но затем радостно воскликнул:

— Брат Яньчжоу! Нет, господин Патриарх, как вы удостоили своим присутствием это грязное место?

Шэнь Юэтань, сосредоточенный на боли в руках, услышал голос Шэнь Мэнхэ и с удивлением повернулся. Его взгляд упал на мужчину, который, казалось, от природы был величественным и сияющим.

Освободившись от ограничений Секты Поиска Дао, Шэнь Яньчжоу выглядел еще более уверенным, чем два года назад. Его свита тоже излучала энергию. Он был как солнце, рассеивающее тучи, демонстрируя свою власть и благородство, совершенно непохожий на прежнего себя.

Шэнь Юэтань почувствовал, как сердце сжалось от боли, которая была сильнее, чем ожоги на руках. Его плечи дрожали, а голос дрогнул:

— Шэнь Яньчжоу... как ты смеешь показываться мне на глаза?

Шэнь Яньчжоу, стоя за прутьями, улыбнулся:

— Юэтань, прошло два года, а ты совсем не изменился — не только не стал сильнее, но и потерял в мастерстве. Разве ты, став Патриархом, совсем забросил практику?

Шэнь Юэтань, ненавидя его, крикнул:

— Убирайся!

Но, будучи в заточении, его крик звучал пусто и лишь вызывал насмешки.

Шэнь Мэнхэ поспешил вперед:

— Брат Яньчжоу, здесь не место для долгих разговоров. Может, зайдём ко мне?

Шэнь Яньчжоу кивнул с теплой улыбкой:

— Конечно, нужно поговорить, но у меня есть дело. Подожди немного.

Он повернулся и серьезно сказал:

— Если кровь семени демона смешается с кровью знатного рода, последствия будут ужасны. Поэтому я, по приказу Храброго Короля Асуров, прибыл, чтобы выяснить правду.

Шэнь Мэнхэ слегка побледнел.

История о крови семени демона была всего лишь выдумкой, чтобы оправдать заточение юного Патриарха. Под предлогом расследования его держали в заключении, чтобы выпытать местонахождение «Великой Сутры Пяти».

Но прежде чем Шэнь Мэнхэ смог что-то придумать, Шэнь Яньчжоу приказал открыть камеру, вытащил палаш и направился к юноше, сжавшемуся в центре камеры.

Палаш сиял серебряным светом, с тремя фиолетовыми кристаллами, встроенными в лезвие. Когда он был извлечен, он излучал мощь, способную устрашить любое существо.

Все отступили под давлением этого меча.

Шэнь Юэтань, находясь ближе всех, почувствовал, как будто гора обрушилась на него. Он пошатнулся и упал на пол, грудь сжалась, и он выплюнул несколько глотков горькой крови. Он сжал кулаки, терпя жгучую боль в ладонях, а перед глазами поплыли черные пятна. Восемнадцать лет он жил в роскоши и никогда не испытывал таких страданий, что делало его еще более жалким.

Шэнь Яньчжоу, однако, не обратил на это внимания и серьезно произнес:

— Этот меч называется «Высшее Просветление». Он разрушает иллюзии, уничтожает зло и сжигает кровь семени демона. Шэнь Юэтань, пусть в следующей жизни ты достигнешь Просветления и поднимешься на Небеса, чтобы больше не страдать.

Шэнь Юэтань хотел крикнуть «Хватит притворяться!», но меч уже опустился на него. Он даже не почувствовал боли, лишь мгновение темноты.

И затем наступила тишина.

Шэнь Мэнхэ, пораженный, смотрел на рассеченное тело на полу, испытывая страх перед решительностью Шэнь Яньчжоу. Убить обычного человека или врага — это одно, но без колебаний убить брата, с которым прожил более десяти лет, — это совсем другое. С такой жестокостью он, несомненно, станет великим тираном!

Юноша, осознав это, загорелся энтузиазмом и, не боясь тела, весело подошел:

— Брат Яньчжоу, какой удар!

Шэнь Яньчжоу медленно убрал меч, его взгляд на тело стал мрачным и глубоким, как океан, но затем он снова улыбнулся и легко помахал узким рукавом:

— Это действительно было семя демона. Хорошо, что мы вовремя уничтожили его. Мне нужно отправиться на Гору Сумеру, чтобы доложить. Мы поговорим позже.

Шэнь Мэнхэ опешил, затем очнулся, его лицо стало пепельно-серым. Его отец и старшие годами строили планы, а теперь, когда «Великая Сутра Пяти» все еще неизвестна, Шэнь Юэтань мертв. Годы усилий пошли прахом, и он не знал, как сдерживать гнев.

Шэнь Яньчжоу, конечно, не обращал внимания на их горе и ненависть. С легкой улыбкой он попрощался с удрученными старейшинами и ушел.

Когда Шэнь Юэтань снова очнулся, он не спрашивал ни о чем, а просто сидел в углу, погруженный в гнев и сожаление, перебирая в уме все свои восемнадцать лет.

Осознав все детали, он понял несколько вещей.

Главным заговорщиком, замышлявшим отобрать у него титул Патриарха, был его дядя Шэнь Хун, который всегда оставался в тени. Его дяди Шэнь Хэ и Шэнь Лин, несомненно, тоже были вовлечены.

Родители Шэнь Юэтаня погибли девять лет назад в битве с демоническими зверями, и их подвиги были отмечены даже Храбрым Королем Асуров. Хотя Шэнь Юэтань был молод, он был старшим сыном и законным наследником, поэтому без возражений стал Патриархом.

Но тогда ему было всего девять лет, и восемь старейшин управляли сектой от его имени, пока он не достиг шестнадцати лет. Однако он был слишком добр и доверчив, полностью полагаясь на свою семью, и, став Патриархом, не вернул себе власть. Это, вероятно, и разожгло амбиции других, что в итоге привело к его гибели.

Что касается Шэнь Яньчжоу, которого он так ненавидел, то в секте он подвергался преследованиям и интригам, ему не хватало ресурсов для практики, и на него даже покушались. Он не раз обращался за помощью к Шэнь Юэтаню, но тот, поверив наветам дяди, считал, что Шэнь Яньчжоу хочет использовать его, чтобы устранить врагов. Поэтому он не только не помогал Шэнь Яньчжоу, но и упрекал его за нелояльность.

Когда Шэнь Яньчжоу покинул секту, он, вероятно, был разочарован и опустошен. Но даже теперь он не держал зла и рискнул войти в логово врага, чтобы спасти Шэнь Юэтаня.